

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСИВНОМ ПОЛЕ «РУССКОЙ СМУТЫ» (ПО РОМАНУ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»)

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2020 г.

Аннотация: в статье рассмотрен национально-исторический дискурс революции и культуры в условиях кризиса национальной идентичности и гражданской войны, воплощенных на уровне образно-смысловых доминант романа «Тихий Дон» как художественного целого.

Ключевые слова: национально-исторический дискурс, кризис идентичности, диалог культур, патриотизм, интернационализм, сословно-классовые ценности, авторская оценка, художественная структура романного повествования.

Abstract: the article deals with national and historical discourse of revolution and culture in the conditions of crisis of the national identity and civil war. It was realized in the senses and images of the novel «The Quiet Don» as the artistic whole.

Keywords: national and historical discourse, the crisis of the national identity, dialogue of cultures, patriotism, internationalism, class wealth, the author's estimation, the structure of the fictional narration

Обозначенная предметно-проблемная сфера по своему актуализируется для общественного восприятия и исследовательской рефлексии на рубеже 100-летней исторической дистанции от трагических коллизий русской революции и гражданской войны, воплотившихся, в свою очередь, в артефактах литературного процесса. И возвышающаяся здесь художественная громада «Тихого Дона» генерирует все новые импульсы к углубленному постижению классического литературного наследия — в поисках ответов на насущные запросы современности.

Национально-исторический дискурс непосредственно развертывается на страницах романа, начиная со второй книги, хронологически очертившей период революционного катаклизма в России (осень 1916 — весна 1918 гг.). Повествование открывается здесь по-своему знаменательными сценами, — где в споре офицеров-фронтовиков не просто обозначается различное отношение к войне и судьбам России, — но и осуществляется, как сказано, «раскрытие карт» [1, 333] социально-политического плана. Здесь впервые в романе звучат четко сформулированные политические лозунги — той социальной силы, которая готовится выйти на авансцену исторического процесса (и персонафицирована в данном случае в лице хорунжего Бунчука): «царизм будет уничтожен» [1, 330] и заменен «властью пролетариата» в форме «диктатуры» [1, 331].

Свою позицию «член РСДРП, большевик» [1, 332] Бунчук подкрепляет зачитыванием обширных пассажей из работ Ленина, где, соответственно, декларируется: «на свете еще слишком много осталось та-

кого, что должно (Выделено Лениным. — А. У.) быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса...» [1, 332] (Здесь и далее подчеркнута нами. — А. У.).

Примечательно, что указание на авторство Ленина («и он прочел слова Ленина» [1, 331]) появляется в тексте романа начиная с изданий 1950-х годов; в более ранних редакциях цитируемые строки представляли анонимными [2, 332–323]. Вместе с тем из этих же ранних редакций были впоследствии сделаны достаточно обширные изъятия, которые в свете нашего аспекта анализа предстают весьма существенными.

Указанная сцена «раскрытия карт» традиционно трактовалась в советском шолоховедении как показатель идейно-политического расслоения казачества и проникновения «ленинского учения» в сознание «народных масс» накануне революционных потрясений. Нам же здесь важно подчеркнуть, что «отношение к войне» в споре офицеров неизбежно высвечивает и «отношение к родине» [1, 330]. «Пораженческая» позиция Бунчука (в соответствии с «точкой зрения... партийной фракции» большевиков [1, 330]) вызывает у его оппонентов обвинения в «национальной измене», ведущей к «бесчестию» [1, 330]. И здесь весьма показателен прямой и четкий ответ «марксиста-ленинца» (который фигурировал в тексте романа до 1940-х годов): «Рабочие не имеют отечества, — чеканом рубил Бунчук. — В этих словах Маркса — глубочайшая правда. Нет и не было у нас отечества! Дышите вы своим патриотизмом! Проклятая эта земля вас вспоила и вскормила, а мы... бурьяном, полынью росли мы на пустырях... нам с вами не в одно время цвезть...» [2, 321]. И далее следует

достаточно обширное изложение устами Бунчука «теории вопроса» — в виде прочтения выдержек из статьи Ленина (опять-таки без указания авторства и названия работы). Между тем, название ленинской статьи — «Положение и задачи социалистического интернационала» (1914 г.) — весьма показательно, как и основные тезисы содержания. Призыв: «Поднимем знамя гражданской войны!» — ставил здесь «условие уничтожения национальных перегородок» [2, 321–322]. Таким образом, впервые в тексте романа озвучивалась смысловая модель «цель-средства», где своего рода «лицензия на братоубийство» в гражданской войне базировалась на отказе от национальной идентичности и *диалога культур* (который в глазах современных исследователей выступает «средством выживания социально-этнических сообществ при кризисах цивилизации» [3, 14–15]) — с переходом в плоскость сугубо *социально-классового* антагонистического противостояния.

Вместе с тем, обращаясь к проблеме сегодняшнего осмысления указанной тенденции применительно к конкретике ее воплощения в творчестве Шолохова, стоит привести и характерные положения одного из современных исследований, посвященного «диалогу культур», но при этом в известной мере продолжающего традиции советского шолоховедения. Здесь с безусловно позитивной оценкой отмечается, например, что Шолохов в своем творчестве «показывает», как «взамен порушенного» механизма традиционных *культурно-бытовых* и родственных связей возникало *новое* родство — *по классу*» [4, 18]. В подобном понимании «диалога культур» само понятие диалога выглядит вряд ли корректно, поскольку речь идет о революционной «замене» (ключевое слово) культуры как таковой — новыми «социальными порядками». Грозный призрак этого набирающего ход процесса писатель мог угадывать, но, конечно, никак не приветствовать.

Сакраментальный лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — озвучен впервые на страницах романа из текста листовки, приводимого во II главе второй книги (то есть непосредственно вслед за сценой «раскрытия карт» Бунчуком и как показатель расширения процессов такого «раскрытия»).

Тем самым на данном этапе романного повествования ярко очерчен некий, исторически новый, «тезис», воплощающий в дальнейшем определенную альтернативную («классово-интернациональную») модель личностной и общественной идентичности (начиная от цитат из «основоположников» «нового учения», повторяемого его адептами, — до развития конкретных мотивов деяний последних).

Здесь логика анализа требует обратиться к формам воплощения в романе и соответствующего «антитезиса», наличие которого априори подразумевается всей логикой предыдущего повествования «Тихого Дона». Заметим, что в первой книге рома-

на понятия «родины» и «отечества» не акцентированы на образно-смысловом уровне, не выступают предметом углубленной рефлексии, — поскольку предстают по-своему традиционно-естественными, не являясь, по сути, *дискуссионными* в своем обобщенном значении.

Вопрос культурно-идентификационного плана: «Что есть Родина?», — становится первостепенным именно в контексте исторически нового дискурса, инициированного лозунгами ценностной девальвации этого понятия (вплоть до «проклятия» отечества). При этом крайне важно отметить, что в казачьей среде понятие «родины» *не дискредитируется* по определению, причем практически для *всех* представителей социокультурной иерархии (случай Бунчука и ему подобных — исключение, подтверждающее правило); здесь роман рисует определенную *общность*, — естественно, дифференцированную во множестве конкретных представлений и смыслов.

В целом для казачьей массы, находящейся на службе, образ Донщины как «родного края» обретает особую ценность и притягательность в эпоху всеобщей смуты и колебания привычных очертаний структуры имперского социума. И на фронте в это время «*не выходила ни у кого из головы* далекая от неласковой польской земли *Донщина*» [1, 373].

Вместе с тем для персонажей, наделенных в романе склонностью к развернутой саморефлексии, вопрос: «...что такое...родина?» [1, 411] — так же становится одним из ключевых. Например, Евгений Листницкий видит по-своему естественным, что для «простого» казачества родина ассоциируется прежде всего с областью Войска Донского [1, 411]. Сам же он, пытаясь рассуждать «по-государственному» (пусть во многом и категорически-императивно, с позиций своего класса), акцентирует для себя и окружающих мысль о том, что судьбы казачества неотделимы от судьбы «большой Родины» — России [1, 411].

Развертываемый во второй книге дискурс в плоскости обозначенных выше «тезисов» и «антитезисов» достигает наивысшего напряжения в подробном изображении событий так называемого «корниловского мятежа» (который на страницах романа по-своему маркирует и *в целом* революционный «взрыв» 1917 года, поскольку сам октябрьский переворот подробно не описан в «Тихом Доне», оставаясь как бы «за кадром»). О первостепенной важности для автора указанного исторического сюжета свидетельствует и то, что именно с него начинается работа над воплощением замысла по созданию крупного эпического полотна, рисующего судьбы казачества и России в эпоху революционных потрясений.

В приведенном на страницах романа документе — воззвании, с которым Корнилов как Верховный главнокомандующий Вооруженных сил России обращается по телеграфу не только к войсковым частям, но и ко всему российскому обществу, понятие

Родины предстает в значении ключевого слова, несущего ценностную доминанту.

Позиционируя себя как «кровный сын своего народа», «сын народа русского», Корнилов и обращается ко «всему русскому народу», заявляя, что им движет прежде всего «беззаветная любовь к родине», «в ужасные минуты существования отечества», когда деструктивные силы несут «гибель не только свободе, но и существованию народа русского». Указывая на опасность «междоусобной брани», ведущей к «пролитию русской крови», Корнилов бросает призыв: «Очнитесь, люди русские, и взгляните в бездонную пропасть, куда стремительно идет наша родина!» [1, 431–432].

Конечно, в подобных призывах можно при желании увидеть (и виделось многими политическими и военными противниками Корнилова) только демагогическую фразеологию, прикрывающую стремление к власти, к установлению военной диктатуры, реставрацию «старых порядков», «сил реакции» и т.п. (Такие штампы, как известно, характерны для «советской» версии отечественной истории, да порой и «постсоветской», вплоть до настоящего времени [5, 267].) Отметим, что отождествление позиции Корнилова с силами «реакции» выглядит достаточно двусмысленно, поскольку и в этом, и в других своих выступлениях он апеллировал к ценностям «свободы», завоеванной как раз «революцией» [1; 431, 452]. Не вдаваясь в конкретику анализа весьма противоречивых оценок политической ориентации Корнилова как исторической личности [5, 267], подчеркнем иное, что было адекватно воплощено текстовой реальностью «Тихого Дона»; актуализация ценностного содержания понятий «родина» — «отечество» — «Россия» явилось по-своему закономерной *реакцией* на лозунги их ценностной девальвации.

Именно в данной плоскости начинает обозначаться «водораздел» для культурно-ценностных ориентиров противоборствующих сил, — что показано на страницах романа и, соответственно, отрефлектировано в сознании его автора.

Показательно в этом плане объяснение, данное Шолоховым Сталину на вопрос и замечание последнего: «Почему в романе так мягко изображен генерал Корнилов? Надо бы его образ ужесточить...» Оправдания автора, согласно которым он в итоге постарался показать Корнилова «врагом народа», «душителем революции» (а такие определения писатель просто обязан был сформулировать в разговоре с грозным вождем), включали вместе с тем и весьма существенную оговорку: «Субъективно, как человек своей касты, он (Корнилов. — А. У.) был честен <...> Субъективно честен потому, что «любил родину» [2, 334].

Логика шолоховской оценки: человек *честен* в силу того (причинно-следственная связь уже как бы «по определению»), что он *любит родину*. Здесь можно увидеть и обратную логическую связь: «нелюбовь»

к родине, отечеству фатально генерирует «бесчестность» — в широком смысле, как снижающую отрицательную характеристику (приложимую к адептам «пролетарского интернационализма»...). Стоит задуматься и по поводу следующего: случайно ли именно образ Корнилова оказался на первом плане читательского восприятия Сталина? И случайно ли именно эти «вопросы и ответы» были сохранены памятью писателя? Не давая здесь, естественно, никакого однозначно-категоричного ответа, подчеркнем еще раз: образ Корнилова очерчен в романе весьма выпукло — с пристальным авторским вниманием, с развернутостью исторических и индивидуально-личностных характеристик.

В этой связи показательно, что историки и биографы, стоящие на позициях «вольно-казачьей идеологии», видевшие в Корнилове «воплощение векового типа казака», вместе с тем с известным сожалением отмечали, что его жизненный путь «воспитал в нем исключительно русские патриотические привязанности <...> Как русский человек он стал видеть в Казаках не самоцель, а только средство для восстановления обширной империи» [6, 201].

В известном смысле такое суждение перекликается с содержанием еще одного воззвания Корнилова, приведенного в тексте «Тихого Дона», — телеграммы, обращенной на этот раз непосредственно к казачьим войскам. Здесь по-своему характерно начало — в форме риторических вопросов: «Казаки, дорогие станичники! Не на костях ли ваших предков расширились и росли пределы государства Российского? Не вашей ли казачьей доблестью, не вашими ли подвигами, жертвами и геройством сильна великая Россия? Здесь «великая Россия» в глазах Корнилова непосредственно ассоциируется с понятием *родины*: «Час пробил — родина накануне смерти»; «Ныне настал час, когда вы должны прийти на помощь родине». При этом Корнилов идентифицирует себя с казачеством: «Я, как казак, по долгу совести и чести...» [1, 452]. Если сопоставить это с самохарактеристикой из предыдущего воззвания: «кровный сын народа русского» [1, 431], — видим, что совокупность данных формулировок предстает апелляцией к ценностям *патриотизма* в широком смысле (в конкретике понятий *родины*, *отечества* при различии масштабов социума-страны и «казачьих земель»). Такая внутренне-дифференцированная общность как раз и маркируется ментальными понятиями «службы» и «вольности», базовыми для *национальной идентичности* — перед лицом угрозы ее возможной «замены» «надкультурными» «интернациональными» ценностями социально-классового порядка.

Следует особо подчеркнуть, что в наметившейся перспективе смены ценностных доминант «отказ от отечества» в широком смысле означал отказ не только от определенной историко-культурной идентичности, но и от традиционных принципов

родства в человеческом сообществе (кровная родственная связь, преемственность поколений и т.п.). Альтернатива «нового родства — по классу» [4, 18] породила лозунги особого «революционного гуманизма» и «революционной целесообразности», во имя которой оказывалось «все дозволено» — в том числе и *братоубийство* (маркирующее один из тяжелейших «первородных грехов» человечества), воплотившийся в сущности и трагедии гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман. Том I. Книга первая. Книга вторая / М. А. Шолохов. — М.: Современник, 1975. — 639 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf214@yandex.ru

2. Шолохов М. А. Собр. соч.: В 9 т. / М. А. Шолохов. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. — Т. 2. — 384 с.

3. Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса) / А. П. Назаретян. — М.: Наследие, 1996. — 184 с.

4. Подобрый А. В. Диалог национальных культур в русской прозе 20-х годов XX века: — автореф. дис. ... докт. филол. наук / А. В. Подобрый. — Екатеринбург, 2008. — 32 с.

5. Семанов С. «Тихий Дон»: «белые пятна». Подлинная история главной книги XX века / С. Семанов. — М.: Яуза; Эксмо, 2006. — 416 с.

6. Энциклопедия казачества / Сост. Г. В. Губарев. — М.: Вече, 2007. — 544 с.

Voronezh State Pedagogical University

Udodov A. B., professor of the chair of the Russian language, Russian and foreign literature

E-mail: kaf214@yandex.ru